

Тахира Мафи Алиса в Итакдали

Однажды в городе Ференвуде родилась девочка.

Само по себе это событие было ничуть не примечательно.

Ее родителей переполняло счастье — как и полагается в таких случаях. Мать была рада разрешиться от бремени, а отец испытывал облегчение, что с таинством рождения жизни покончено. Однако вскоре они заметили, что их дочь, названная Алисой, совершенно лишена красок. Ее кожа и волосы были белыми, как молоко, а душа и сердце — мягкими, как шелк. Лишь глазам ее досталось по капельке цвета: радужной они походили на светлый мед.

Что и говорить, Ференвуд не принял бы такого ребенка. Его основу составляли краски: их вспышки, переливы, мазки и радужные подтеки. Во всем мире не нашлось бы людей более ярких, чем жители этого города; сами они говорили, что созданы по подобию небесных светил. На их фоне маленькая Алиса казалась слишком тусклой — хоть она и знала, что это не так.

Однажды про девочку забыли.

Так начинается эта история

Солнце лило, как из ведра.

С неба падали мягкие теплые капли светливня, и каждая прожигала маленькую аккуратную дырочку в ледяном доспехе зимы. Конечно, та сопротивлялась до последнего — но к нынешнему моменту была уже порядочно изрешечена солнечным дождем, так что из-под нее проглядывала бархатистая подкладка весны. Мир готовился в очередной раз преобразиться. Жители Ференвуда обожали весну — как и следовало ожидать. Они вообще находили удовольствие в предсказуемых, закономерных переменах: таких, как превращение ночи в день или снега в дождь. Чего бы они не оценили, так это превращения ночи в кекс или дождя в шлепанцы. В таких переменах, сами понимаете, никакого смысла — а именно смысл был чертовски важен для этих серьезных людей, чья жизнь вращалась вокруг магии. Точно так же им было трудно увидеть смысл в Алисе.

Алиса была юной девушкой — сообразительной, подвижной и начиненной тысячей животрепещущих вопросов, как и подобает всякой юной девушке. Однако у Алисы не было кое-чего очень важного, о чем мы скажем позже, и именно этот недостаток делал ее такой необычной и интересной.

В день, когда началась эта история, обычно бесшумные шестеренки бытия издавали неприлично много шума: ветер хлопал ставнями, потоки светливня колыхали занавески на окнах, свежестриженная трава щекотала босые ноги. В подобные дни Алисе отчаянно хотелось ввязаться в какое-нибудь приключение, но к почти двенадцати годам — а именно столько было нашей героине — она все еще не выяснила, как это сделать. До ежегодной церемонии Сдачи оставалась лишь пара дней, и Алиса, которая была твердо намерена победить, знала, что это ее единственный шанс отправиться навстречу чему-то новому.

Теперь она шагала домой, поминутно оглядываясь на сверкающий в отдалении городок. В честь грядущих празднеств главную площадь перевернули вверх дном, и теперь по холмам разносился грохот разнообразных инструкций и конструкций. Алиса прыгала по камням булыжной мостовой, подставляя лицо потокам светливня и пытаясь ухватить хоть щепотку его золота. Город был охвачен возбуждением; в воздухе висело

предвкушение такое густое, что в него можно было всадить зубы. Алиса улыбнулась, отчего ее щеки тут же заяблонились, и взглянула на небо. Свет замерцал и начал блекнуть. Тучи снова норовили сомкнуть над Ференвудом свои тяжелые телеса. Ничего, подумала Алиса. Еще один день, и все переменится.

Она не могла дождаться.

Мостовая перешла в грязную главную дорогу, окаймленную зеленью. Встречаясь с соседями, Алиса теснее прижимала к себе корзину, кивала в знак приветствия, махала в знак прощания и молча радовалась, что не забыла сегодня ни одну из своих юбок. Мама очень о них беспокоилась.

Когда дорога опустела, Алиса вытащила из кармана тюльпан и торопливо откусила верхушку. Лепестки защекотали рот, а по языку заструился густой пурпурный цвет. Алиса закрыла глаза и облизнула губы, прежде чем вгрызться в стебель. О нет, не просто зеленый! Зеленейший — полный сока и самой атласной зелени. Этот цвет обладал собственной песней, и теперь она звучала внутри Алисы. Девочка нагнулась к обочине, чтобы погладить лохматую макушку травы, и прошептала: «Привет-привет! Вот мы и перезимовали».

Алиса была странной — даже для Ференвуда, где с небес временами лило солнце, все цвета сияли ярче обычного, а магия встречалась так же часто, как ворчливые родители. Странность Алисы проявлялась даже в мелочах — например, в том, как она возвращалась домой. Девочка просто не могла пройти по прямой линии из точки А в точку Б. Она то и дело останавливалась, сходила с дороги, набирала полную грудь воздуха и по минуте не выпускала его обратно, жалея расставаться с таким сокровищем. Иногда она принималась кружиться в такт неслышимой мелодии, пока юбки не вставали колоколом, а улыбка становилась такой широкой, что немножко сползала с лица. Порой же она замирала на цыпочках — прямая и напряженная, как струна, — и лишь когда становилось совсем невмоготу, наконец выдыхала то, что ей не принадлежало.

Алиса у нас полевой цветок, сказал однажды отец. Цветок в цветастых юбках, с косой-колосом до колен. Алиса надеялась, что он прав. Может, мама ошиблась, и на самом деле Алисе не нужно быть таким сложным существом с целыми четырьмя конечностями? Порой она думала, как хорошо было бы укорениться в земле и на этот раз вырасти чем-нибудь получше — скажем, одуванчиком, дубом или грецким орехом, который никому не удастся расколоть. Но мама строго сказала (она часто говорила строго), что Алиса должна быть девочкой, поэтому одуванчика из нее не вышло.

Мама Алисе не очень нравилась. На взгляд девочки, она была чересчур старой и странной. Еще Алисе не нравилось, как мама переживает из-за стен и дверей — и денег, которые ее там удерживают. Но Алиса любила маму, насколько способны любить дети. Мама была теплой и мягкой и часто улыбалась, глядя на нее. Злилась и плакала — тоже, но это Алису не волновало.

Девочка крепче перехватила корзину и пустилась в пляс под слышную ей одной мелодию. Пальцы ног взбивали придорожную пыль, и на земле Алису удерживала только коса, слишком тяжелая для ее головы. Звонкие браслеты так и гуляли от локтей до запястий, выводя собственную нехитрую песенку. Алиса закрыла глаза. Она знала этот танец наизусть; его движения жили у нее в костях, подталкивали изнутри руки и ноги и заставляли бедра вращаться с чувственностью, которой не смог бы научить и самый лучший учитель.

Это был ее главный талант, дар — и подарок Ференвуду. Ее шанс на великое будущее. Она оттачивала этот танец годами и знала, что ее усилия не пропадут впустую.

Знала, что...

— Эй, ты! Что ты делаешь?

Алиса вздрогнула. Кто-то запнулся и упал — но девочка не сразу сообразила, что это она сама. Юбки сбились в ком, браслеты испуганно примолкли, из воздуха испарилась последняя капля светливня. Алиса ужасно, кошмарно опаздывала. Мама будет вне себя.

— Эй! — позвал тот же голос. — Что ты...

Алиса подобрала юбки и принялась шарить в темноте в поисках корзины. Внутри глухо ворочалась паника. «Никогда не разговаривай с незнакомцами, — множество раз твердила ей мать. — Особенно с мужчинами. Если тебе страшно, не время думать о приличиях. Если тебе страшно, ты не обязана быть вежливой. Поняла?»

Алиса кивала.

Но сейчас мамы тут не было — и Алиса не знала, почему ей так отчаянно страшно. Зато точно знала, что не обязана быть вежливой.

Незнакомец подошел ближе. Теперь Алиса видела, что это не мужчина — скорее уж мальчик. Алисе очень хотелось рывкнуть, чтобы он проваливал, но благоразумный голосок у нее в голове нашептывал, что лучше молчать. Если тебя не слышно, то, может быть, и не видно. А вот если она закричит, то наверняка выдаст себя.

В итоге желание Алисы остаться незамеченной сбылось — но не совсем так, как она рассчитывала.

Солнце уже зашло, а луна все не торопилась прийти ему на смену. Вокруг густилась непроглядная тьма. Алисе никак не удавалось разглядеть или нащупать корзину.

Она волновалась все сильнее.

В одну секунду она поняла все о тревогах — и пообещала себе больше никогда не злиться на маму, которая не тревожилась, кажется, только во сне. Страх оказался очень неприятной штукой — а еще он будто засасывал в себя минуты. Теперь стало ясно, почему у мамы вечно не находится времени помыть посуду.

— Это случаем не твое?

Алиса резко выпрямилась — и почти уткнулась носом в чью-то грудь. В этой груди билось сердце. Алиса слышала шепот и стрекот крови, ее жаркое журчание и мелодичные переливы. «Не отвлекайся, — приказала она себе. — Мама разозлится».

Но...

Что это было за сердце!

Какая симфония звучала внутри этого мальчика!

Алиса судорожно вздохнула.

А затем он коснулся ее руки — и у нее не осталось другого выхода, кроме как его стукнуть. Браслеты воинственно зазвенели. Незнакомец отшатнулся от удара, Алиса закричала, вырвала у него корзину и опрометью кинулась домой — задыхаясь, почти не разбирая дороги и лишь в глубине души радуясь, что луна наконец-то решила осветить ее путь.

***

Разумеется, мама и слушать не стала ее оправданий. Честно говоря, она так разозлилась, что почти ударила дочь по руке. Она не дала Алисе ни малейшей возможности объяснить, почему ее юбки в грязи, корзина сломана (на самом деле, совсем чуть-чуть), а в волосах полно травы. Вместо этого она сделала страшное лицо, указала дочери на ее место за столом и заявила, что если Алиса еще хоть раз опоздает, она сошьет ей пальцы вместе.

Ну конечно.

Мама вечно ей чем-то угрожала. От этого у нее улучшалось настроение, а вот Алиса начинала скучать. Обычно она пропускала все угрозы мимо ушей («Если ты немедленно не доешь свой завтрак, я превращу тебя в слона!» — пообещала ей мама однажды, и девочка даже воодушевилась), но как-то раз мама пригрозила превратить ее в *мальчика*. Алиса так перепугалась, что целую неделю нигде не пачкалась и вообще вела себя до неприличия прилично. С тех пор она частенько раздумывала, были ее братья мальчиками с самого начала — или просто так разозлили маму, что их постигло это ужасное наказание.

Мама бережно распаковала принесенную Алисой корзину. Похоже, та волновала ее куда больше дочери и трех сыновей, которые молча ждали начала трапезы за стареньким столом. Алиса провела ладонями по гладким доскам. Годы усердной кухонной службы отполировали их почти до зеркального блеска. Стол этот сделал папа, и Алисе нравилось понарошку вспоминать, как он его мастерил. Конечно, на самом деле помнить она ничего не могла: стол был старше самой Алисы.

Девочка взглянула на папин стул — пустой, как и всегда, — и опустила голову на скрещенные руки. За эти годы печаль подточила ее кости, и от воспоминаний они принимались ныть, точно от сквозняка. Снова подняв глаза, Алиса увидела три маленьких силуэта, которые едва выглядывали над столешницей. Братья смотрели на нее с таким предвкушением, будто она могла превратить их жилетки в конфетки, а рубашки — в промокашки. Пожалуй, в другой день Алиса действительно попробовала бы, но мама и без того на нее злилась, а девочке не хотелось снова ночевать со свиньями.

С возрастом Алиса начала понимать, что они с мамой не нравятся друг другу вполне взаимно. Маме не было дела до Алисиных странностей. Она вообще не относилась к тому типу родителей, которые проникаются любовью к потомству инстинктивно, от одного взгляда на пухлощекий кабачок в пеленках. Причуды детей не вызывали у нее умиления. В целом она считала Алису полезным, хотя местами и нелепым ребенком — но если бы вы подловили ее в Честное Воскресенье, она ответила бы, что ей нет ни малейшего дела до собственных детей, нет и не было, и как они у нее вообще получились, одному богу известно. (Конечно, приятных вещей об Алисе мама тоже могла бы сказать немало — только вот почему-то все время забывала их озвучивать).

Алиса подцепила с тарелки цветок и отправила его в рот, позволяя яркому вкусу неспешно растечься по языку. Цветы ей нравились; один укус — и она снова чувствовала себя полной сил, готовой пуститься в пляс. Мама обычно обмакивала их в мед, но Алиса предпочитала чистый, ничем не приукрашенный вкус. Она вообще любила правду: на губах и во рту.

На кухне было тепло и уютно — хоть и вполсилы. В отсутствие отца Алиса с матерью старались, как могли, но в иные вечера на их тарелках пышно расцветала скорбь, и они черпали ее ложками вместе с сиропом, не проронив об этом ни слова. Сегодня было еще не так плохо. Печка вспыхнула лавандовым жаром, когда мама пошевелила поленья и бросила в горшок несколько принесенных Алисой ягод. Вскоре весь дом наполнился запахами инжира и перечной мяты. Он пропитывал воздух так густо, что Алиса могла бы слизнуть его языком.

Наконец мама успокоилась и заулыбалась. Ягоды ференики напоминали ей о прежних счастливых временах, когда они с мужем были вместе, и всё было хорошо. Ференика считалась редким лакомством — разыскать ее было непросто, — но после исчезновения отца мама стала ею одержима. Проблема заключалась в том, что найти ягоды могла лишь Алиса (почему, я объясню позже), — и Алиса, конечно, исправно их приносила, потому что с ягодами в доме было гораздо лучше, чем без них. Да, она опаздывала, вечно где-то пачкалась, ленилась и препиралась по любому поводу — но никогда не возвращалась домой без добычи.

Почти никогда. Сегодняшний вечер едва не стал первым.

Алиса всегда чувствовала, что мама ее использует: ференика была единственным лекарством, ненадолго исцелявшим ее разбитое сердце. Она *нуждалась* в Алисе, хотя предпочитала не заострять на этом внимание. И Алисе, конечно, было жаль маму — но еще больше жаль себя и братьев. Иногда ей хотелось, чтобы мама выросла — а может быть, наоборот уменьшилась — в ту маму, которой им так сильно недоставало. Увы, она не могла размолодиться, и Алисе оставалось любить (или не любить) ее такую, какая есть. Ничего, снова подумала девочка. Скоро, очень скоро она встретит свою судьбу. Прекрасную, великую судьбу! Зима в Ференвуде сменялась весной, весна сменялась летом, а Алиса ждала уже слишком долго.

Она непременно выиграет Сдачу и докажет матери, что ей больше не нужна опека и носки. Она станет первооткрывателем! Изобретателем! Нет, лучше — художником! Она охватит целый мир парой широких мазков! Рука Алисы, отвечая ее мыслям, чертила замысловатые узоры в наполненной медом тарелке. Движения девочки становились все размашистее и увереннее, пока вилка-кисточка триумфально не взмыла в воздух... Чтобы через мгновение приземлиться — впрочем, не без определенного изящества — в шевелюру одного из братьев.

Алиса пискнула и съежилась на стуле. Прекрасное будущее было позабыто; вместо него на девочку надвигалась мать с половником.

Похоже, сегодня ей все-таки придется ночевать со свиньями.

За этой страницей скрывается еще одна глава

Свиньи были не так уж плохи. Они подпирали Алису теплыми боками, делились с ней соломой и участливо похрюкивали, выслушивая жалобы на жизнь. Девочка вытащила из кармана пару финков, подумала, один убрала обратно, а второй разломала пополам. Свиньи тут же учуяли запах свежих лимонов и стекляблок, и в хлеву воцарилось полное благоденствие. Ночь выдалась теплая и ароматная, над дырой в крыше важно дефилировали звезды. Их огоньки сверкали, как обычно, а вот планеты сегодня прямо-таки блистали, соперничая с самыми яркими звездами. Шестьсот тридцать две планеты последовательно вплыли в поле зрения Алисы, покачивая разноцветными кольцами — так же, как она при ходьбе покачивала браслетами.

Они покрывали руки девочки от запястий до локтей и пестрыми змеями обвивали лодыжки. Она приносила браслеты отовсюду — из каждого магазинчика по холмедству, куда заглядывала после исчезновения отца. Алиса упорно стучала в дверь за дверью и спрашивала у всех и каждого, куда он мог пропасть.

Все и каждый давали разные ответы.

Все знали, что отец Алисы ушел с одной чертежной линейкой, поэтому некоторые говорили, будто он решил измерить море. Другие — луну. Третьи — небо. А может, он научился летать, но забыл, как вернуться обратно. Алиса никогда не делилась с матерью своими догадками, но в глубине души считала, будто отец укоренился в земле, чтобы на этот раз вырасти повыше.

Девочка встряхнула браслетами — золотыми, серебряными, каменными. Мама каждый месяц давала ей три финка карманных денег, и один из них Алиса непременно тратила на браслет. Для всех остальных они не имели большой ценности, но именно это делало их такими дорогими для Алисы. Самый первый браслет ей подарил отец — как раз перед тем, как пропал, — и почти каждый месяц после его исчезновения Алиса прибавляла к своей коллекции еще один.

На этой неделе у нее должен был появиться тридцать восьмой.

Может быть, подумала она, сонно сплющивая веки, эти браслеты помогут отцу отыскать дорогу обратно. Стоит ему прислушаться повнимательнее — и он обязательно различит, как она танцует, призывая его домой...

На этой мысли Алиса перевернулась на другой бок и задремала.

А пока она спит, давайте-ка я расскажу вам два важных факта.

Факт первый: для того, чтобы творить колдовство в Ференвуде, не нужны волшебные палочки, привычные нам зелья или заклинания. Природа вообще наделила эти земли немалыми богатствами, но среди них главнейшими считались два — цвет и магия. Это был очень маленький и очень старый городок в окрестностях Феннельскайна, но поскольку никто из жителей Ференвуда сроду не был в Феннельскайне (на самом деле, огромное упущение; что за славное местечко!), они продолжали жить замкнутой общиной, черпая цвет и магию прямо из воздуха и построив на их основе целую

экономическую систему. Я бы еще многое могла рассказать об истории и географии Ференвуда, но не хочу испортить вам удовольствие от книжки, а посему смиренно умолкаю.

Факт второй: каждый житель Ференвуда рождался с каким-либо магическим талантом, маленьким кусочком собственного волшебства — но за все остальное нужно было платить, а у Алисиной семьи вечно не водилось лишних денег. В карманах Алисы никогда не бывало больше пары финков, и потому ей оставалось лишь жадно глазеть на других ребят, которые по-хозяйски выбирали лакомства на витрине или беспечно звенели пригоршнями стоппиков.

В ту ночь Алисе снился чуденец, который она купит на следующий день. (По правде говоря, Алиса еще не знает, что его купит — но мы-то с вами по эту сторону переплета и можем немножко забежать вперед, верно?). Чуденцы — маленькие цветочарики травы, смешанной с медовыми сотами, — были любимым Алисиным лакомством, и на этот раз ее не остановило бы даже то обстоятельство, что на них пришлось бы потратить все остатки сбережений.

Вот так Алиса и спала — под теплым боком свиньи, с задранными до ушей юбками и сложенными на табуретку браслетами, — когда ее вдруг окликнул чей-то голос. Голос мальчика, в чьей груди билось необыкновенное сердце.

Кажется, он произнес «привет» или «эй, ты» (я не запомнила, потому что толком не расслышала, а Алиса не запомнила, потому что была слишком зла). Девочка медленно выдохнула, посмотрела на планеты, которые продолжали танцевать у нее над головой, и снова закрыла глаза.

— Мне очень лень вставать и тебя бить, — честно сказала она. — Поэтому ты сделаешь мне огромное одолжение, если уберешься.

— У тебя панталоны видно, — ответил мальчик.

Вот грубиян!

Алиса вскочила на ноги, красная как рак, и чуть не пнула подвернувшегося под ноги поросенка. Девочка почти взяла себя в руки, когда врезалась в ведро с помоями и бесславно плюхнулась на спину у стены.

— Ты кто такой? — возмутилась она, судорожно пытаясь припомнить, куда положила лопату.

В следующую секунду Алиса услышала щелчок пальцев, и сарай затопил свет такой яркий, будто в окно залетела шаровая молния. Девочка немедленно заметила лопату и уже почти разработала план, как бы ее половчее схватить, но тут мальчик нагнулся и сам вручил ее Алисе.

Она молча взяла лопату.

Лицо мальчика казалось до странности знакомым. Алиса прищурилась, пытаясь понять, где его раньше видела, но лопату все-таки не опустила.

— Кто ты? — повторила она со злостью. — И где научился делать такой крутой светреск? Я годами тренируюсь, но...

— Алиса, — прервал он ее со смешком, качая головой. — Это же я.

Девочка недоуменно моргнула — и вдруг вытаращила глаза.

— Папа?! — прошептала она.

Алиса быстро пробежалась по нему взглядом с головы до ног, при этом все ниже опуская лопату.

— Ох, папа, но ты так размолодился... Вряд ли мама обрадуется...

— Алиса! — почти-незнакомец снова покачал головой и схватил ее за руки, пригвоздив к полу смеющимся взглядом. У мальчика была кожа теплого шоколадного оттенка и тревожно-синие, почти фиолетовые глаза. Еще у него был очень прямой нос, очень приятный рот, очень милые брови, очень красивые скулы и волосы цвета серебристой сельди — другими словами, ничего общего с папой.

— Самозванец! — завопила Алиса, снова вскидывая лопату.

Девочка уже занесла ее над головой, готовясь проломить этому негодяю череп, когда он опять схватил ее за руки. Мальчик был немного (ну ладно, много) выше ее, так что ему не составило бы большого труда одолеть Алису, — но она тоже не собиралась сдаваться так просто.

Поэтому укусила его за руку.

И довольно чувствительно, надо сказать.

Мальчик закричал и отшатнулся. Стоило ему поднять на Алису взгляд, как она заехала ему лопатой по колену, и он рухнул в солому. Теперь девочка возвышалась над ним, занеся оружие над головой.

— Алиса, ты что творишь?! — воскликнул мальчик, прикрывая голову руками в ожидании финального удара. — Это я, Оливер!

Алиса опустила лопату — но самую малость и по-прежнему не испытывая ни малейших угрызений совести за свое поведение.

— Кто?..

Мальчик осторожно поднял глаза.

— Оливер Ньюбэнкс. Ты меня не помнишь?

«Нет», — почти ответила Алиса, которая сгорала от желания наконец треснуть его по голове и с триумфом приволочь маме бесчувственное тело («Смотри, я поймала грабителя!»), — но мальчик выглядел таким испуганным, что ее возбуждение вскоре сменилось сочувствием. Поэтому Алиса опустила лопату и взгляделась в лицо Оливера Ньюбэнкса так, будто и в самом деле должна была его помнить.

— Мы учились вместе в среднеросте!

Алиса наклонилась поближе. Имя мальчика показалось ей знакомым — но она не была уверена в своей догадке, пока не заметила белесый шрам, пересекавший его левое ухо.

Девочка втянула воздух — на этот раз особенно громко.

Да, они определенно были знакомы.

Алиса поудобнее перехватила лопату и врезала ему по ногам с такой яростью, что светреск погас, и хлев погрузился во тьму. Свиньи завизжали, Оливер завизжал и бросился прочь, Алиса погналась за ним через весь двор, подробно рассказывая, как приготовит его братьям утром на завтрак, — но тут из дома вышла мама и заявила, что лучше приготовит на завтрак саму Алису, после чего девочка тоже завизжала и бросилась наутек, а когда мама наконец ее поймала, Оливера и след простыл.

После этого случая Алисе еще неделю было больно сидеть.

***

Из-за такой ночи и утро началось наперекосяк.

Алиса проснулась, вдыхая аромат свиного бока; в волосах безнадежно запуталась солома, она же колкими шпаяками утыкала пальцы ног. Алиса села, злая на весь мир, но особенно — на маму, Оливера и поросенка, который вздумал вылизать ей лицо от лба до подбородка. Мда, сейчас ей не помешала бы хорошая ванна.

Алиса встала, по мере сил отряхнула юбки (дурацкие юбки!) и направилась к пруду. Голова ее была забита мыслями, которые забивают головы почти всех двенадцатилетних девочек, а потому даже прелестное, полное светливня утро несильно поправило дело.

Дурацкий Оливер Ньюбэнкс — она от души пнула холмик грязи — осмелился показаться ей на глаза — она пнула другой холмик — после всего, что случилось! Алиса в ярости набрала пригоршню грязи и запустила ее в кусты, никуда особенно не целясь.

Алиса не видела Оливера Ньюбэнкса с того далекого дня, когда он заявил перед всем классом, что она — самая уродливая девочка в Ференвуде. Он все болтал и болтал, какой у нее огромный нос, крохотные глазки, губы с ниточку и волосы цвета прокисшего молока — так что Алиса чуть не расплакалась. Полная чушь, ответила она. Носик у нее очень

аккуратный, глаза большие, губы довольно пухлые, а волосы скорее напоминают цветы хлопка. Но Оливер, разумеется, и слушать не стал.

Никто не стал.

Как неудачно сложилось, что незадолго до того пропал отец, мама превратилась в бледную тень прежней себя, а от всех сбережений у них остались двадцать пять стоппиков и десять тинтонов. У Алисы выдался непростой год, и она не собиралась больше терпеть. Ребята чуть животы не надорвали от смеха, а она только топала ногой в браслетах, пылая от гнева и смаргивая горячие слезы. Тогда она решила, что произведет на Оливера большее впечатление, если потратит оставшиеся финки, откусив ему ухо и заставив съесть его перед всем классом. «Уж одним ухом он меня точно выслушает!» — подумала Алиса. Но вместо этого ее выгнали из школы, поскольку то, что она *сделала*, было хуже того, что он *сказал*. Это выглядело особенно несправедливо, потому что на вкус его слова оказались куда противнее уха. В любом случае, с тех пор мама учила ее на дому.

Алиса начинала понимать, почему мама ее не особенно любит.

Девочка вздохнула и, развязав ленты, позволила юбкам упасть в траву. Одежда ее сковывала. Панталоны Алиса ненавидела даже больше, чем юбки, но пока мама крутилась рядом, они оставались Алисиным проклятием. Ходить в одних трусах, сказала ей мама однажды, *неприлично*. С тех пор девочка мечтала о дне, когда отрастит пару крыльев и улетит прочь. Будь ее воля, она бы круглый год расхаживала голышом и босиком, в одних браслетах и плаще из распущенных волос цвета ванили.

Алиса стянула кофточку, бросила ее на траву к юбкам и, закрыв глаза, подняла голову к солнцу. Светлимень пропитывал воздух, окружая все предметы неземным сиянием. Алиса высунула язык, надеясь слизнуть хоть одну золотую каплю, но солнечные потоки оставались неуловимыми. Они не касались людей, потому что предназначались только для земли. Именно светлимень приносил магию в их мир; он наполнял воздух и орошал почву, заставлял расти цветы и деревья — и добавлял объем и звук вспышкам цвета, среди которых протекала жизнь горожан. Красный пульсировал жарким рубином, зеленый истекал сочным лаймом, а желтый почти обжигал глаза. Цвет был самой жизнью. Цвет был *всем*.

Видите ли, цвет был универсальным признаком магии.

Жители Ференвуда рождались с маленькой искрой собственного волшебства, а возвращенная светливнями пища помогала раздуть эту искру в мягкое устойчивое пламя. Каждый горожанин был наделен одним даром. Одним прекрасным магическим талантом. Достигнув двенадцати лет, они демонстрировали этот талант на церемонии Сдачи, а взамен получали решающее задание. Такова была традиция.

Алиса открыла глаза. Облака сегодня плыли по небу одно за другим, будто их выдыхал какой-то невидимый великан. Скоро пойдет дождь, и старая жизнь Алисы закончится, чтобы под триумфальные раскаты грома дать родиться чему-то новому.

Цели.

Ей исполнится двенадцать лет. В этом году она наконец примет участие в Сдаче.

Завтра, подумала Алиса. Ее звездный час наступит завтра.

Алиса глубоко выдохнула, выбрасывая из головы Оливера Ньюбэнкса, всю боль, которую причинила ей мама, и всю боль, которую отец причинил маме и ей. Вместе с ними она выбросила из головы и трех бесполезных братьев, которые были слишком малы, чтобы от них была какая-то помощь — а именно в помощи их семья нуждалась больше всего. Да, Алиса была не такой яркой, как другие жители Ференвуда, — и что с того? Магии в ней было не меньше, и завтра ей наконец выпадет возможность это доказать.

Алиса подобрала гибкую веточку и, закинув ее за шею, принялась мурлыкать под нос знакомую мелодию. Глаза ее оставались закрыты, а ноги сами вели девочку к пруду.